

УДК 801.31

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СЕМАНТИКИ И СТИЛЯ
В ПОВЕСТИ ИЛЬИ СУРГУЧЕВА «МЕЛЬНИЦА»**

© 2011 г.

А.Т. Лунатов

Марийский госуниверситет, Йошкар-Ола

latish62@mail.ru

Поступила в редакцию 25.02.2011

Рассматривается метафорическое богатство текста повести И.Д. Сургучева и перифразы разных видов. Анализируются средства создания речевых характеристик героев повести.

Ключевые слова: метафоры, метафорический перифраз, метонимия, гиперболы и эвфемизмы.

Повесть «Мельница» – особая страница в творчестве писателя-эмигранта И.Д. Сургучева (1881–1956): она пришлась на время становления его художественного дара и ярко выраженной индивидуальной манеры слога. Сюжет повести довольно прост. У старика Баранова, владельца красной лавки, три сына. Старший, Илья, женится на расчётливой красавице, в которую влюбляются его братья Георгий и Алёша. Молодая жена, которую писатель оставляет безмянной, предлагает мужу и его братьям построить мельницу. Кончается всё разорением семьи Барановых

В «Мельнице» важен не сюжет, а нерасторжимая мудрость мысли и слова. Кажется, все богатство изобразительно-выразительных средств подвластно перу Сургучева. В первую очередь, это богатая метафористика с ее перифрастическим пластом. Выступая в качестве «разнооформленного словесного блока с лексическим значением» [1, с. 22] и являясь семантическим эквивалентом определенной лексической номинации, перифраз в художественном тексте многообразно варьируется – от самого простого (синоним-развертки) до самого сложного (перифраз-символа). Под пером мастера даже простые синонимы-замены подаются живописно-выпукло, как вновь нареченные имена. Например, невестка при встрече с Георгием поделилась разговором о нем с Алешей: «Говорили, что ты – колдун, волшебник, чернокнижник».

В перифразах-синонимах, выступающих в качестве метафорических синонимов-разверток, изобразительная палитра выступает в тексте живописно-крупнее: «Алеша сидел и думал о Георгии: *странный человек*; как будто одна и та же мать рожала, а словно чужой, словно первый раз пришел в дом; даже неизвестно, как зовут

его по имени; казалось, что *Георгий* – это не его имя, а придуманное». А чаще именно перифраз, будь то логический или метафорический, выступает в качестве вторичной номинации (*nomina secundae*): *Алеша* – «певец из Палермо» или «ночь, мать снов», *дымок* – «слезы огня», «предательски побежденный, благородный царь – день», *часовня* – «Божий домик».

У Сургучева метафорические перифразы надежно подкреплены метафорическими сравнениями, по-сургучевски емкими. В «Мельнице» лексические средства их введения в текст не отличаются многообразием: прежде всего, это широко распространенные союзы *как*, *будто*, *словно*: «Был август, стояла тишина, прозрачная, густая, *как* некрасивая девушка, волосами которой не хочет пошевелить даже ветер»; «Она была посередине, лицом к свету, и по рукам ее, и по платью ползали кольца теней, *будто* обрадовавшись, что попали на живое»; «Он видел, как шевелятся ее губы, четкие, слегка выпуклые, *словно* вырезанные очень искусно из листьев весеннего тюльпана».

Часто И.Д. Сургучеву кажется тесной обойма с доминантой-союзом *как*, и он активно использует полумодальные глагольные словоформы: «Слышался далекий будничный звон к вечерням, то в одной церкви, то в другой, и *казалось, что* где-то лениво бьют в клавиши, стоящие на воздушном рояле рядом», «Казалось, что дома было сыро, свет не светлый и тоскливый, у всех одинаковые думы, и эти думы *похожи на* лицо без глаз», «Тени от окон ложились на пол искоса и *походили на* красивые текинские коврики, какие стелют в женских монастырях при архиерейской службе».

Образно-метафорические сравнения нередко оказываются впаянными в метафорические пе-

рифразы – то *метонимические* («И *опять стучат ее каблуки*, и разобрать трудно; близко и далеко, словно ветер, то приносит их, то относит»), то *антонимические* («Алеша во время разговоров смотрел на братьев восторженными глазами, и тогда казалось, что это – *не глаза, а синие уста, говорящие молча*»).

Использует Сургучев и прием скрытого метафорического сравнения, выражаемого словосочетанием в творительном падеже; причем автор преднамеренно опускает союз *как*, используя форму именительного падежа: «Потом одежду украсят бриллиантами, и будет *невеста царица над царицами*».

Разнообразны метафорические глагольные перифразы, например: «<.> и вдруг на огромное пространство разбросилось поле, словно, как второе чудо, сотворилось лето; стал над землей, как царь, красавец день, и поодаль на полях рассыпались игрушки – цветы, разные ростом: дети и взрослые, смешливые и серьезные. Вдруг по небу, как разбитые воины, спасаясь и от страха, и от стыда, закутавшись в темные, звонко-трепещущие по ветру плащи; побежали с юга тучи и вслед им, вдогонку, гневно сверкнули грозные, серебряные, победительные стрелы. Это были молнии, но Алеше казалось, что это хочет вернуться на землю предательски побежденный, благородный царь – день».

Есть метафорические глагольные перифразы другого плана – выражение человеческих чувств, порывов мятущейся души: «Сразу выросло и, как змея, подняло голову враждебное чувство. Проснулось подозрение к отцу: выползали медленно и становились в линию, как солдаты, простые, старые слова, образуя мысль нестерпимую, которую не только что сказать или прошептать, но и додумать до конца нельзя было», «Было ясно: все это делает сила, исходящая от женщины, – и было невозможно проснуться, невозможно отколдовать от себя это наваждение, и жаль было расстаться с теми нежными, как колышающаяся ткань, туманами, среди которых, минуя утро, ночь, и полдень, и вечер, проходила жизнь – видения».

Нередко образность глагольного метафорического и метонимического перифразов смыкается воедино, и тогда создается выразительный метафорическо-метонимический перифраз: «Вот круг света: посредине – он ярк, к краям – постепенно слабеет. Вот вступил в него старик, и *сейчас же назад отбросилась тень и ползет за ним, шевеля длинными ногами и опять заходя вперед*, то густая, то расползающаяся, то толстая», «*На пороге, снаружи, стояли две темные неотчетливые фигуры*. Старик издали перекре-

стил их маленьким, незаметным крестом, тихо закрыл дверь».

Сращенность текста еще больше усиливается, когда в текст включаются или *метафорические эпитеты* («Стало досадно, зачем эта *глупая мысль* пришла в голову; теперь засядет и не скоро ее забудешь; она *разворачивается сладко, заманчиво*, тянет к себе»), или *образные сравнительные обороты* («Вспыхнули на улице фонари: один за другим, будто огонь перескакивал с одного столба на другой – и сейчас же на выпуклой земле бульвара *родились, как неровные кольца, круги теней* – родились и начали, как живые, *ползать друг около друга*»).

В богатой сургучевской перифрастике уютно и эвфемизмам; в своей иносказательности необычайно своеобразны они даже в одиночку. Вот у могилы матери собралась вся семья Барановых, старик стучит в твердую землю палкой: «Это вот *квартирка моя*, около матери, *а это – ваши. Без окон, без дверей*. Чур, не разбегаться. Чтоб все вкуче».

Обращается писатель и к гиперболам: «Было приятно, сладко, что с ним идет красивый и сильный сын, у которого такое тяжелое, *из четырех букв слитое имя: в каждой букве по пуду*», ср.: «[Илья] почуял силу; попроси его – *выдернет из земли гору, как редьку*»; [Перегаров Алеше]: «Я тебя не одолею... Где мне? *А ты одной рукой пять пудов до неба докинешь*». Перифразы-гиперболы выступают еще и как синонимические перифразы.

Особую роль в тексте повести играет метафора *огонь*. «Огонь» – это и любовная страсть, и созидательная либо разрушительная сила. Вот последний разговор старика Баранова с младшим сыном: «Илью жалко, и тебя жалко, – сказал он, – одинаково жалко. Но Илья – сильный. И имя ему такое: сильный! А ты не выдержишь. Понимаешь? *Огонь его идет кверху, а твой стелется по земле*. Вот к чему пришло дело». Алешин огонь – не созидующий, поэтому и не может спасти родовое гнездо Барановых.

Метафора *огонь* используется как средство характеристики Перегарова, главного виновника разорения Барановых. В конце повести есть важный эпизод. Купив свечу, Перегаров приходит в часовню, чтобы замолить грехи перед Богом, и слышит от монаха Егора: «*Слаб огонь твой <...>. Вниз огонь горит. Не принята жертва твоя*». Каждая фраза – обвинение. Приложив палец к огню, Егор продолжает: «Видишь, руку на огне твоём держу и боли не чувствую. *Не жжет огонь твой*». Огонь – это символ духовного очищения, которое возможно лишь при глубоком покаянии. Показательно,

что старику Баранову Егор говорит иное, чем Перегарову: «Глаза у тебя – ясные. *Дух твой не сокрушен. Сердце твое чисто. Помолись Ему. Поблагодари. Зажги Ему огней*». А сам уходит: «Сотвори молитву втайне».

Егорово слово – слово от Бога: оно с колен подымает. Тема духовного очищения человека у Сургучева остается магистральной. А жизнь продолжается: неостановимы ее жернова. По-

тому и само название повести «*Мельница*» – это образ-символ, мощная сила, что неумолимо перемалывает жизни и судьбы людей.

Список литературы

1. Юрченко О.С. Фразеологія перифрази української літературної мови. Ч. 1. Харків, 1983. 120 с.
2. Липатов А.Т. Семантическая радуга перифраза: от Пушкина до Шолохова. Йошкар-Ола, 2006. 224 с.

**DESCRIPTIVE AND EXPRESSIVE MEANS OF SEMANTICS
AND STYLE IN THE STORY «THE MILL» BY ILYA SURGUCHEV**

A.T. Lipatov

The author considers the metaphorical richness of the text and periphrases of various types in I.D. Surguchev's story. The means used to create speech characteristics of the story's characters are analyzed.

Keywords: metaphors, metaphorical periphrasis, metonymy, hyperboles and euphemisms.